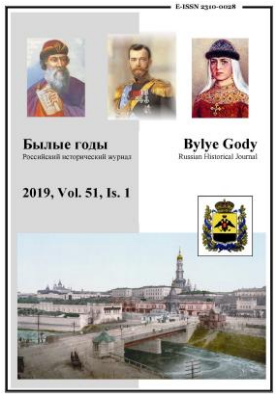
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 314-324. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.314
Journal homepage: http://ejournal52.com

Standards of Corporate Ethics in the Russian University Environment in the late XIX – early XX century

Mikhail V. Gribovskiy [a, *], Alexander N. Sorokin [a, b]

[a] National research Tomsk state university, Russian Federation
[b] Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the norms of corporate ethics that have developed in the Russian university environment of the late XIX – early XX century. The study, carried out by the method of situational analysis (case method), is based on materials extracted by the authors from the russian (State Archives of the Russian Federation, the National Archives of the Republic of Tatarstan, the Central State Archives of Moscow) and foreign (State Archives in Warsaw, State Archives of the Odessa Region) archives. It is emphasized that the university lecturers of pre-revolutionary Russia were a rather cohesive professional community, and the forms of manifestation of professional identity consisted in their active participation in the discussion of the "university issue", attempts at self-organization, and the existence of similar ethical principles on which the value system of the university person was based. Development by an University of corporate ethics rules, following them were an integral part of this system of values. The following norms of behavior developed in the Russian university lecturer environment of the turn of the XIX–XX centuries are distinguished: manifestation of nobility towards colleagues, observance of subordination, demonstration of mutual respect, scientific objectivity, striving for scientific truth, prevalence of university interests over personal ones. It is concluded that the presence of similar ideas about corporate and scientific ethics, written and unwritten norms of service at the university, facilitated the infusion of the professor into the new lecturer collegium when moving to a new university, and the observance of ethical standards helped to correctly resolve the sensitive issues that arose at work.

Keywords: university, professors, privat-docents, corporate ethics, scientific ethics, norms of conduct, corporation, Russian Empire.

1. Введение

Дореволюционная университетская история, отдаленная от нас более чем на столетие, неизменно оставалась в фокусе исследовательского внимания, но подходы к изучению университета за прошедшее время заметно эволюционировали: от юбилейных изданий через акцентирование внимания на революционном движении и политической истории к интересу к социальным, культурным аспектам. Учитывая то, что Университет – это, в первую очередь, совокупность людей, последний, антропологический, подход представляется наиболее продуктивным.

Социальная история университета не может обойтись без обращения к феномену университетских преподавательских сообществ, и в частности к теме правил и норм поведения, сложившихся внутри них. Важность изучения последнего аспекта определяется тем, что наличие схожих этических принципов и следование нормам корпоративной этики можно назвать проявлением профессиональной идентичности университетских преподавателей, поэтому для формирования цельного представления о дореволюционном университете важно определить сущность устоявшихся тогда правил отношений между «университетскими людьми».

* Corresponding author
E-mail addresses: mgrib@mail2000.ru (M.V. Gribovskiy), soranhist@yandex.ru (A.N. Sorokin)

Злободневность теме исследования придает тот факт, что в последние годы университеты все чаще начинают задумываться о необходимости создания и внедрения в повседневную практику этических кодексов, что актуализирует обращение к историческим основаниям таких инициатив.

2. Материалы и методы

Историческая реконструкция норм поведения внутри университетских коллективов требует привлечения разнообразных источников. Представления современников о норме и патологии поведения «университетского человека» нашли отражение в делопроизводственных документах (протоколах заседаний университетских и факультетских советов, докладах, записках, рапортах комиссий по разным вопросам), публицистике и, разумеется, в источниках личного происхождения – воспоминаниях, дневниках (особенно широко привлекался дневник московского профессора М.М. Богословского). Значительная часть привлеченного для исследования материала была извлечена авторами из российских (Государственный архив Российской Федерации, Национальный архив Республики Татарстан, Центральный государственный архив Москвы) и зарубежных (Государственный архив в Варшаве/Archiwum Państwowe w Warszawie, Государственный архив Одесской области) архивов.

Помимо общенаучных и привычных специальных исторических методов (историко-типологического, историко-сравнительного), в исследовании был широко применен метод ситуационного анализа – углубленное исследование конкретных ситуаций, событий, казусов для атрибутики их как уникальных или, напротив, типичных, отражающих объективную реальность исследуемой эпохи. Реконструкция отношений внутри преподавательских коллективов продиктовала необходимость привлечения конкретных многочисленных примеров-казусов, демонстрирующих сложившиеся между людьми правила поведения.

3. Обсуждение

Понимание важности анализа феномена Университета в человеческом измерении наметило переход от преимущественного изучения функционирования отдельных элементов университетской системы к социальным, антропологическим и историко-культурным аспектам, чему во многом способствовали труды немецкого исследователя Т. Маурер. Ее монография «Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte»/«Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования» (Maurer, 1998) стала значительным событием в историографии русских университетов как социальных институтов. Фактически, именно Т. Маурер предложила и российским исследователям сместить акценты при постижении прошлого российских университетов с «изучения университетских уставов» на изучение людей и условий их деятельности.

Российские исследователи откликнулись на это предложение. В отечественной историографии в последние 10–15 лет обозначился интерес к истории университетских внутрикорпоративных отношений. Их применительно к разным университетам сегодня изучают Н.Н. Алеврас, А.В. Антощенко, Л.А. Бушуева (Сазонова), Н.В. Гришина, А.Н. Дмитриев, Е.А. Ростовцев (Алеврас, Гришина, 2012; Антощенко, 2002; Бушуева, 2011; Дмитриев, 2013; Ростовцев, 2012). Частным случаем анализа внутрикорпоративных отношений можно признать «университетскую конфликтологию» – работы, в которых через характеристику конфликтных ситуаций реконструируются отношения внутри преподавательской коллегии (Ермичев, 2003; Свешников, 2005; Вишленкова, 2008; Беляева, 2011; Никифоров, 2014; Fominykh, Stepnov, 2018).

Заметим, что, как правило, упомянутые исследования носят локальный (либо с точки зрения географии, либо с точки зрения научной специализации) характер и лишь отчасти затрагивают тему норм поведения, сложившихся в дореволюционном университете. Отсюда вытекает потребность взглянуть на данную проблему цельно.

4. Результаты

Проведенные ранее исследования привели авторов данной статьи к выводу о том, что университетские преподаватели дореволюционной России представляли собой довольно сплоченное профессиональное сообщество, и формы проявления профессиональной идентичности заключались в их активном участии в обсуждении «университетского вопроса» (как признак неравнодушия к судьбам университета), попытках самоорганизации, а также наличии схожих этических принципов, на которых базировалась система ценностей университетского человека (Gribovskiy, Sorokin, 2014). Органической частью этой системы ценностей стоит считать выработку университетом норм корпоративной этики и следование им.

Попробуем выявить базовые элементы корпоративной этики, сформировавшейся в университетской среде к концу XIX – началу XX вв., т.е. в период зрелого, сложившегося отечественного университета кануна финала имперской эпохи. Это можно сделать, проанализировав зафиксированные в исторических источниках многочисленные кейсы, отражающие различные стороны университетской жизни.

Разберем выявленные нормы ниже.

Проявление благородства. Источники доносят до нас немало случаев поведения университетских преподавателей по отношению друг к другу, которые можно объединить понятием «благородство»: великодушие, бескорыстие, щедрость, скромность – как его составные элементы.

Довольно часто подобное поведение проявлялось при решении кадровых вопросов. Вот как вспоминал профессор Санкт-Петербургского университета (ИСПбУ) А.А. Иностранцев обстоятельства, связанные с поступившим ему в 1880-х гг. приглашением читать лекции в Академии Генерального штаба: «Лектором у них был академик Шренк, которым, по-видимому, М.И. [Драгомиров – начальник Академии] был очень недоволен. Я решительно отказывался, считая себя вполне обеспеченным имеющимся заработком [...]. В то же время я считал и неудобным содействовать удалению Шренка из Академии – могли принять замену Шренка мною за интригу». А.А. Иностранцев принял приглашение читать лекции в Академии Генерального штаба только после отказа Л.И. Шренка от службы там (Иностранцев, 1998: 130–131).

В связи с характеризуемым сюжетом сошлемся на исследование С.Г. Карпюка, который, разобрав случай, связанный с тем, как сложно в 1900–1902 гг. шел процесс замещения оказавшейся вакантной кафедры древнеклассической филологии Московского университета (ИМУ), сделал вывод о том, что «российские антиковеды стремились к академической карьере, но отнюдь не любой ценой» (Карпюк, 1993: 181).

Следование норме благородного поведения можно увидеть в ярком кейсе, относящемся к 1911 г., известном как «дело Кассо» (по фамилии министра народного просвещения), – уходе из ИМУ в знак солидарности с коллегами 130 профессоров и приват-доцентов. Суть дела заключалась в том, что 28 января 1911 г. в ответ на министерские циркуляры, урезавшие университетскую автономию, профессора ИМУ ректор А.А. Мануйлов, проректор П.А. Минаков и помощник ректора М.А. Мензбир подали в отставку. 2-го февраля отставка была принята, что было воспринято профессурой как нежелание министерства идти на диалог и инициировало их отставку в знак солидарности с руководством университета.

Когда массовая отставка в ИМУ состоялась, то оказалось вакантно большое количество кафедр. Солидарность с ушедшими выражалась в действиях преподавательского сообщества в отношении образовавшихся вакансий. Согласно агентурным данным департамента полиции от 23 февраля 1911 г., среди левых профессоров и приват-доцентов всех университетов велась «агитация ... бойкота московских вакантных кафедр» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 177. Л. 73).

Впрочем, абсолютизировать профессорскую солидарность тоже не стоит. Из дневниковых записей профессора А.Н. Савина следует, что часть экстраординарных профессоров, оставшихся в ИМУ, поторопилась подать прошения и занять вакантные ординатуры. А.Н. Савин сообщает, что медики это сделали к 19 марта, а 23 марта четыре освободившиеся кафедры были уже заняты. Автор дневника (который, между прочим, сам не подавал в отставку) квалифицировал эту ситуацию следующим образом: «Это печальный и грозный признак нравственного разложения в профессорской среде» (Шарова, 2010: 284).

Научный интерес представляет взгляд на «дело Кассо» со стороны оставшихся в ИМУ профессоров. Возможность получить представление об этом дает дневник умеренно правого по взглядам профессора М.М. Богословского. То, что М.М. Богословский не последовал примеру ушедших, он объяснял следующим образом: «Я остался в Университете, потому что считал уход совершенно неправильным ... Я правильно поступил, заняв пустую, за уходом Кизеветтера, кафедру, [иначе] был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции ... В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться» (Богословский, 2011: 165).

Ситуация коренным образом изменилась после Февральской революции. В марте было принято министерское постановление, рекомендовавшее уволить из университетов всех профессоров, назначенных после 1905 г. без прохождения процедуры выборов. В первую очередь это затронуло именно Москву из-за казуса 1911 г. Перед необходимостью пройти через увольнение и дальнейшую процедуру избрания оказался и М.М. Богословский. Эта история окончилась для него благополучно: в конце апреля 1917 г. М.М. Богословский был вновь избран на профессорскую должность, что можно интерпретировать как пример того, как в университетской среде сохранялись нормы поведения, несмотря на произошедшие принципиальные политические изменения.

В дневнике того же М.М. Богословского можно найти пример отступления преподавателя от нормы, предполагавшей скромность в вопросах служебного продвижения: он зафиксировал диалог между своими сослуживцами, состоявшийся 28 апреля 1917 г.: «Яковлев, обращаясь ко всем нам, сказал, что вот уже он 11 лет приват-доцент и как только получит докторскую степень, желает, чтобы его сделали сверхштатным экстраординарным профессором, и потребовал, чтоб товарищи его высказались о нем, начиная с Матвея Кузьмича [Любавского]. Это заявление, как я заметил, было для всех полнейшей неожиданностью. М.К. [Любавский] нашелся сказать, что затруднение тут будет в общем вопросе, нужна ли вообще еще одна профессура. Кизеветтер говорил, что вопрос надо решать лично, применительно именно к Яковлеву и что он готов решать его положительно. Яковлев обратился ко мне, но я сказал, что я пока человек, стоящий вне Университета, и предложил высказаться Готье. Готье сказал несколько каких-то слов, видимо, был застигнут врасплох. Затем я

сказал, что понимаю чувства А.И. Я[ковлева]: сам я был 13 лет приват-доцентом, из них два года в докторской степени, и что докторская степень Московского университета, по-моему, вполне дает права на такое высокое положение» (Богословский, 2011: 179). Переданное М.М. Богословским замешательство профессоров, очевидно, было вызвано тем, что прямое требование А.И. Яковлева высказаться об его служебных перспективах было воспринято аудиторией как в известной степени беспардонный поступок, впрочем, пожалуй, допустимый в силу товарищеских отношений собеседников. Заметим, что в течение 1917 г. А.И. Яковлев, действительно, защитит докторскую диссертацию и будет избран профессором историко-филологического факультета.

Еще одна область, где проявлялась названная норма корпоративной этики, была связана с феноменом гонорара (по университетскому уставу 1884 г. студенты должны были вносить дополнительную плату за слушание лекций в пользу преподавателей). Дискуссия, развернувшаяся в университетских кругах вокруг этой темы, дает интересный материал о представлениях профессоров относительно норм поведения в преподавательском коллективе (Грибовский, 2018).

Относительно того, какое влияние гонорар оказывал на взаимоотношения внутри преподавательского коллектива, многие современники имели схожее представление. Они полагали, что новая система стала фактором, способным серьезно расстроить отношения между коллегами.

Профессор медицинского факультета Казанского университета (ИКУ) А.Я. Щербаков выразил эту мысль так: «Положим, кто-либо обращается с просьбой о прибавке часов, то в этом случае товарищам по факультету трудно отрешиться от той мысли, что обращающееся с такою просьбою лицо имеет между прочим в виду увеличения для себя гонорарного вознаграждения. Одна эта мысль нередко в состоянии заставить неправильно отнестись к педагогическим нуждам товарища. И единственно ввиду этого многие молчат о своих нуждах или просят о прибавке часов, неоплачиваемых гонораром. … Еще щекотливее вопрос об уменьшении часов преподавания, если он возбуждается не самим преподавателем данного предмета … Чего доброго, это сочтется как бы посягательством на карман своего товарища» (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9674а. Л. 18 об., 22 – 22 об.).

Профессора Харьковского университета (ИХУ) отмечали, что преподаватель в крайне редких случаях мог открыть курс, параллельный читаемому другим профессором, так как такой курс имел бы «характер посягательства на гонорар своего коллеги по факультету, а это обстоятельство могло бы иметь неприятные последствия личного характера, и потому совершенно неудивительно, что конкуренции между профессорами система гонорара не возбудила». Гонорарная система – заключала комиссия ИХУ – «развивает не конкуренцию, а зависть между университетскими преподавателями, заставляет их иной раз искать дешевой популярности между студентами, имеет своим последствием понижение экзаменационных требований» (Доклад комиссии, 1897: 17, 21). Аналогичная мысль звучала и в докладе профессора Новороссийского университета (ИНУ) А.Н. Деревицкого в ходе работы Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.): «в среду профессоров гонорар внес чувства розни, взаимного отчуждения, зависти, недоброжелательности, а иногда и враждебности» (Труды, 1903: 295).

С приведенными выше словами об определенных неудобствах морального свойства, которые испытывали преподаватели, вынужденные ходатайствовать об увеличении учебной нагрузки, перекликается фраза профессора Варшавского университета (ИВУ) В.Н. Ульянина о практике принятия решений об отправлении преподавателей в командировку (1888 г.): «всякая попытка обсуждения представленных ходатайствующим мотивов … превращается в личное против ходатайствующего действие; понятно, что на факультетах и не может привиться желательное обсуждение представленных мотивов командировки. Поступившие в факультеты ходатайства обыкновенно заслушиваются и все утверждаются без обсуждений или же … без предварительных обсуждений баллотируются закрытой подачей голосов» (APW. Z. 214. S. 398. k. 476). Как видим, профессорской корпорации была свойственна определенная деликатность, которая, впрочем, могла служить и дурную службу для интересов университета в целом.

Соблюдение субординации. Одной из особенностей преподавательской университетской корпорации, которая роднила ее с чиновничеством, была иерархичность; занятие той или иной ступени служебной лестницы не только определялось установленным порядком, но и подкреплялось чинами и званиями. Иерархия преподавательских должностей в университетах была выстроена в следующей последовательности: приват-доценты – лекторы – доценты (в Дерпте/Юрьеве и Варшаве) – сверхштатные экстраординарные профессора – исправлявшие должность (и.д.) экстраординарных профессоров – экстраординарные профессора – сверхштатные ординарные профессора – и.д. ординарных профессоров – ординарные профессора – заслуженные ординарные профессора.

Любая иерархия отличается известной стройностью, но в рассматриваемый период было два обстоятельства – феномен приват-доцентуры и наличие «исправлявших должность» экстраординарных и ординарных профессоров – которые играли роль раздражавшего фактора, внося дисбаланс в стройную схему и порождая внутрикорпоративные дискуссии.

Поскольку соблюдение субординации входило в число очевидных правил общения в университетской среде, в источниках отложились не очень многочисленные, но резонансные примеры несоблюдения этой нормы.

Не вполне определенный статус приват-доцентов порой вызывал конфликты на почве несоблюдения правил субординации. Необычный случай произошел в ИМУ в 1887 г. В феврале 1887 г. в «Русских ведомостях» было опубликовано письмо приват-доцента Д.М. Петрушевского с указанием искажений в перечне его трудов, допущенных в университетском отчете за 1886 г. (Русские ведомости. 1887. 3 февраля). Этот казус вызвал неудовлетворение со стороны университетских властей. Ректор Н.П. Боголепов писал попечителю П.А. Капнисту: «Должное отношение к университету требовало, чтобы он, принадлежа к его составу и касаясь служебных дел, к коим лично причастен, просил ректора о публикации поправок от имени университета. … Письмо г. Петрушевского, неудовлетворительное со стороны формы и содержания, ставит в неблаговидное положение некоторые органы университета». Сам ректор полагал, что причиной ошибок было то, что Д.М. Петрушевский подал сведения о своих трудах неразборчивым почерком. Ректор вызвал Д.М. Петрушевского к себе для разъяснений. Последний не принял замечаний начальства («г. Петрушевский поставил мне на вид, что он не подчиняется ректору»), что дало повод ректору в письме на имя попечителя рассуждать о проблеме приват-доцентуры в целом (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4940. Л. 1 об., 2 об.).

Пример неподчинения приват-доцента ректору приведен в сообщении (1898 г.) ректора ИМУ Н.А. Зверева попечителю учебного округа П.А. Некрасову. В сообщении без указания имен описывается случай, произошедший 10 февраля: декан одного из факультетов не смог начать вовремя занятие по той причине, что «приват-доцент не прекратил своевременно своей лекции, но и читал ее сверх определенного времени еще 37 минут. По окончании лекции г. декан обратил внимание вошедшего в профессорскую комнату приват-доцента на то, что он почти на сорок минут передержал студентов на своей лекции и что это обстоятельство лишило его возможности своевременно начать собственную лекцию. На это замечание г. декана приват-доцент раздраженным и повышенным тоном ответил: “А позвольте Вас спросить: какое Вы имеете право делать мне замечание?”». Позже приват-доцент, правда, признал свою неправоту (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4922. Л. 11–11 об.).

Приведенные выше казусы можно считать косвенной иллюстрацией кризиса монопольного права профессуры на решение университетских дел. Допущение приват-доцентов в университетские Советы, произошедшее в 1917 г., а также возвращение штатной доцентуры, последовавшее за окончанием имперского периода, продемонстрирует дальнейшее углубление процесса демократизации университетов.

Демонстрация взаимного уважения. Еще одной нормой поведения нужно назвать демонстрацию взаимного уважения. В силу широты этого понятия следует выделить несколько различных проявлений.

Вхождение в преподавательскую корпорацию нового члена обставлялось определенным ритуалом. Так, при вступлении в должность профессора читали вступительную лекцию, о чем извещались все прочие преподаватели университета, и считалось хорошим тоном эти лекции посетить. Неформальная часть вхождения в корпорацию заключалась в том, что при назначении (или избрании) в университет профессору полагалось «делать визиты» коллегам-профессорам. Так, профессор И.А. Малиновский, прибывший в Томск в 1898 г., вспоминал: «Я делал визиты членам Совета. Отдавали визиты обыкновенно в мое отсутствие» (Малиновский, 2014: 287). Как видим, этикет предписывал «отдать визит», то есть совершить ответное посещение дома коллеги.

Встречаются указания и на «визиты соболезнования» по поводу увольнения одного из профессоров (Мягков, Филимонов, 2010: 171), на прощальные визиты в связи со сменой места службы (Корелин, 2014: 392).

Заметим, что в источниках нашли отражение и редкие случаи отступления от элементов этой нормы. Например, В.В. Вересаев, учившийся на рубеже 1880-х–1890-х гг. на медицинском факультете ИДУ, оставил такое воспоминание о обстоятельствах, связанных с женитьбой профессора анатомии Августа Раубера на своей прислуге: «Женитьба эта произвела в дерптском обществе скандал, Раубер с женою сделал визиты коллегам-профессорам: никто визита не отдал. Раубер стал жить одиночкой» (Вересаев).

Элементом нормы корпоративной этики было уважение к чужим взглядам. Так, профессор юридического факультета ИЮУ Б.В. Никольский писал в 1914 г. в Особом мнении по поводу избрания одного из претендентов на вакантную кафедру энциклопедии и философии права: «Первое требование к ученому – достоинство и прямота. Он должен быть исповедником своих учений, а не проводить их контрабандою … Он должен говорить все или молчать. Так, ученый может быть твердо уверен в неизбежности преобразования России в социал-демократическую федерацию и считать наш самодержавный монархический строй обреченным на полную гибель; даже не соглашаясь с ним, мы будем уважать его мнения и признаем их неверными, но учеными теориями» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373. Л. 15). Заметим, что сам Б.В. Никольский являлся горячим сторонником именно самодержавного устройства России.

Отметим, что, по замечанию харьковского исследователя С.И. Посохова, в научной среде России именно конца XIX в. была сформирована практика ссылок на предшественников в изучении темы, что вполне можно квалифицировать как знак уважения к чужому ученому труду. Это явление наглядно иллюстрируется словами приват-доцента ИСПбУ В.И. Семевского о своей диссертации:

«Не сказать ничего о литературе, не воздать должного моим предшественникам [...] будет с моей стороны научным неприличием» (Посохов, 2012: 138).

Разумеется, сложно было бы ожидать, что норма уважительного отношения к коллегам соблюдалась бы беспрекословно. Тот же профессор М.М. Богословский в дневнике, изначально не предназначавшемся для публикации, мог позволить себе дурно отзываться о профессиональных качествах коллег, включая учителей. Так, 20 октября 1915 г. он писал о профессоре ИНУ И.А. Линниченко, планировавшем перебраться в Москву: «Будет совсем лишний и ненужный. Величина не из таких, какие желательно бы приобретать. Я, между прочим, его ученик... Он нам читал историю Польши, но именно учил тому, как не надо читать лекции» (Богословский, 2011: 47).

Научная объективность (непредвзятость, беспристрастность). С вопросами научной этики университетские преподаватели чаще всего сталкивались в связи с процедурой защит диссертаций.

Одна из распространенных проблем была связана с необходимостью давать объективные отзывы на научные работы, несмотря на товарищеские отношения с диссертантом или его научным наставником. Вспоминая о временах действия Устава 1863 г., профессор И.А. Линниченко писал: «Научный этикет рекомендовал защиту докторской диссертации в чужом университете, у признанных научных авторитетов – этим избегали упрека в кумовстве, семейном деле, товарищеской услуге» (ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 7).

На страницах дневника М.М. Богословского эта тема поднимается неоднократно. 14 ноября 1915 г.: «Приходил ... Марков, кончивший Духовную академию и издавший переписку Победоносцева с Субботиным ... Это издание он представил в Академию в качестве магистерской диссертации. Если бы дело шло о степени магистра для Победоносцева или Субботина – другое бы дело! Но работа Маркова выразилась только в комментариях исключительно справочного характера. Я говорил ..., чтобы посоветовали ему взять диссертацию обратно... Нас это избавляет от *неприятнейшей обязанности писать отрицательный отзыв* [курсив наш – авт.] и отвергать книгу» (Богословский, 2011: 51).

2 сентября 1916 г.: «Толковали [...] о книге Веселовского, а также о диссертациях Яковлева... Ну стоило ли тратить столько времени и сил на этот ничтожный Приказ сбора ратных людей, о котором написана ... диссертация [Яковлева]! Ведь это предмет для небольшой статьи – не более того». 3 сентября. «Начал писать рецензию на книгу Веселовского, и выходит довольно резко, но, кажется, справедливо. *Знакомство тут ни при чем, передаю правдиво свои впечатления* [курсив наш – авт.]» (Богословский, 2011: 117). 22 сентября 1916 г.: «Я считаю книгу Веселовского полною недостатков и не вижу решительно причин проводить ее ... без диспутов ... Диспут тем хорош – что это игра в открытую. Каждый может прийти и высказаться о достоинствах и недостатках книги. Зачем же с В[еселовским] действовать втихомолку?» (Богословский, 2011: 122).

Пример нарушения научной этики, применительно к защите диссертации, нашел отражение в случае, зафиксированном в дневниковых записях профессора ИМУ Н.П. Боголепова (позднее – ректора, попечителя московского учебного округа и министра народного просвещения). В записях за март 1895 г. встречается указание на неприятный эпизод, затронувший его и профессора Ю.С. Гамбарова. Эпизод касался оценки магистерской диссертации Гусакова. Н.П. Боголепов ее оценивал низко, а Ю.С. Гамбаров, напротив, высоко. По дошедшим до Н.П. Боголепова сообщениям, Ю.С. Гамбаров требовал изменения мнения Н.П. Боголепова об обсуждавшейся диссертации, иначе он, «в свою очередь, сочтет своим долгом очень внимательно прочесть диссертацию Хвостова», являвшегося учеником Н.П. Боголепова. «Другими словами, Гамбаров желал дать мне понять, что если я не пропущу диссертацию его приятеля, то он прижучит моих учеников» (Страница из жизни, 1913: 60). Угроза предвзятого отношения к диссертантам, разумеется, воспринималась Н.П. Боголеповым как пример неэтичного поведения профессора Ю.С. Гамбарова.

Стремление к научной истине. Приват-доцент ИСПбУ И.Ю. Крачковский в своих воспоминаниях описывал случай, связанный с защитой магистерской диссертации приват-доцента факультета восточных языков А.Э. Шмидта, на которой сам он выступал оппонентом. Незадолго до диспута И.Ю. Крачковским был обнаружен новый важный исторический источник (рукопись), неизвестный А.Э. Шмидту и, соответственно, не нашедший отражения в его работе. Зная щепетильность А.Э. Шмидта, с которым И.Ю. Крачковского связывали товарищеские отношения, И.Ю. Крачковский, по его словам, сначала не хотел информировать А.Э. Шмидта о своей находке, опасаясь, что тот примет решение снять диссертацию с защиты («зная характер А.Э. Шмидта, я чувствовал, что сказать о ней [рукописи] – значит вызвать в нем приступ отчаяния и, может быть, навсегда расстроить только что наладившееся его возвращение к научной работе»), но позже рассказал о ней («утаить открытие до какого-нибудь срока после диссертации не позволяла мне научная совесть»). И.Ю. Крачковский вспоминает: «Под первым впечатлением он хотел взять свою диссертацию обратно и отложить получение степени. Большого труда мне стоило убедить его не делать этого, а предоставить все своему течению» (Крачковский, 1982: 142–143).

Преобладание интересов университета над личными. Для большинства профессоров было характерно возведение университета как социального явления на наивысшую ступень общественной и государственной жизни.

Как добродетель в корпорации воспринималось и следование известной пословице, призывающей «не выносить сор из избы». Показателен в этом отношении фрагмент оправдательной речи упомянутого выше Б.В. Никольского, выступавшего адвокатом на процессе против бывшего профессора ИСПбУ А.И. Соболевского, который обвинялся в клевете в адрес руководства университета и был оправдан: «Акад[емик] Ссболевский, – говорил адвокат, – ушел, не дослужив полгода до полной пенсии…; но, и уйдя оттуда, он не дал воли своему негодованию, он молчал, он не считал совместимым со званием члена корпорации, со своим достоинством, под влиянием политики, публично выступать» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443. Л. 201). Обратим внимание в приведенном фрагменте на почтительное отношение к университету и университетской корпорации как таковой, несмотря на идейные расхождения А.И. Соболевского с большинством коллег.

5. Заключение

На фоне многочисленных конфликтных ситуаций и наличия «партий» внутри преподавательских коллективов каждого университета, что было типично для рубежа XIX–XX вв., казалось бы, о корпоративной этике говорить не приходится. Но факты доказывают, что соблюдение этики отношений между членами преподавательского коллектива во всяком случае входило в представление о норме, хотя и нередко вступало в противоречие с реальностью. Соблюдение этических норм могло помочь корректно разрешить щекотливые вопросы, возникавшие на службе, которые чаще всего проявлялись при замещении должностей, во время процедуры подготовки и защиты диссертаций.

Наличие схожих представлений о корпоративной и научной этике, о писаных и неписаных нормах несения службы в университете облегчало вливание профессора в состав новой преподавательской коллегии при смене университета. И.М. Сеченов, занявший в 1891 г. кафедру физиологии в ИМУ, а прежде много лет служивший в ИСПбУ, отмечал в воспоминаниях: «За все десять лет ни разу не почувствовал себя пришельцем в чужое гнездо» (Автобиографические записки, 1945: 166).

Обобщение многочисленных кейсов, зафиксированных в исторических источниках, позволяет составить следующий перечень норм корпоративной этики в университетской среде: проявление благородства в отношении коллег, соблюдение субординации, демонстрация взаимного уважения, научная объективность, стремление к научной истине, преобладание интересов университета над личными.

Пожалуй, следует признать, что выработанные к концу XIX в. правила поведения в университете не устареют в дальнейшем, а, пережив советский XX в., вполне будут восприняты и в веке XXI.

6. Благодарности

Выявление норм научной этики в данном исследовании выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.31.2018).

Выявление норм корпоративной этики в данном исследовании выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

Изучение кейса приват-доцентуры было выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (проект МК-2268.2018.6).

Литература

Автобиографические записки, 1945 – Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1945. 185 с.

Алеврас, Гришина, 2012 – *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российский корпус магистрантов-историков: проблемы конструирования корпоративной институции и образа магистранта (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Историческая наука и образование в России и на Западе*. М., 2012. С. 169–172.

Антощенко, 2002 – *Антощенко А.В.* История одной профессорской отставки // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2002. № 4. С. 234–274.

Беляева, 2011 – *Беляева О.М.* Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2011. № 34. С. 215–235.

Бушуева, 2011 – *Бушуева Л.А.* Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2011. № 36. С. 248–266.

Вересаев – Викентий Викентьевич Вересаев. Воспоминания. Библиотека русской литературы. [Электронный ресурс]. URL: brusl.ru: http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1 (дата обращения: 03.06.2018).

Вишленкова, 2008 – *Вишленкова Е.А.* Память о конфликтах: особенности архива Казанского императорского университета // *Эхо веков*. 2008. № 2. С. 248–257.

ГАОО – Государственный архив Одесской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Грибовский, 2018 – *Грибовский М.В.* Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2018. № 62. С. 144–163.

Дмитриев, 2013 – *Дмитриев А.Н.* Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века). *Новое литературное обозрение*. 2013. № 4 (122). [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/16d.html (дата обращения: 17.06.2018).

Доклад комиссии, 1897 – Доклад комиссии, избранной Советом Императорского Харьковского университета, для обсуждения вопроса о системе вознаграждения преподавателей университета, основанной на взимании со студентов и слушателей особой платы за слушание лекций и руководство их занятиями. Харьков, [1897]. 31 с.

Ермичев, 2003 – *Ермичев А.А.* О том, как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов университетской профессуры в России начала XX в. // *Вопросы философии*. 2003. № 5. С. 124–134.

Иностранцев, 1998 – *Иностранцев А.А.* Воспоминания (Автобиография). СПб., 1998. 272 с.

Карпюк, 1993 – *Карпюк С.Г.* Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // *Вестник древней истории*. 1993. № 1. С. 175–181.

Корелин, 2014 – *Корелин М.С.* Дневник // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 274–448.

Крачковский, 1982 – *Крачковский И.Ю.* Впервые оппонентом на диссертации // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников*. Т. 2. Л., 1982. С. 138–145.

Малиновский, 2014 – *Малиновский И.А.* Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014. С. 286–341.

Богословский, 2011 – Михаил Михайлович Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. 423 с.

Мягков, Филимонов, 2010 – *Мягков Г.П., Филимонов В.А.* Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «Досуговый дискурс» историка // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. Гуманитарные науки. С. 169–178.

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан.

Никифоров, 2014 – *Никифоров Ю.С.* Коммуникативная культура российских историков конца XIX – начала XX в. Взаимодействие и конфликты в университетской среде // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2014. № 48. С. 138–164.

Посохов, 2012 – *Посохов С.И.* «Считаю для себя неприличным…»: Этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2012. Вип. 11. С. 131–153.

Ростовцев, 2012 – *Ростовцев Е.А.* Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 308–315.

Русские ведомости – Русские ведомости.

Сазонова, 2009 – *Сазонова Л.А.* Корпоративные отношения профессоров Казанского университета. Вторая половина XIX века // *Образование и просвещение в губернской Казани*. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 169–175.

Свешников, 2005 – *Свешников А.В.* «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // *Мир историка*. Вып. 1. Омск, 2005. С. 256–260.

Страница из жизни, 1913 – Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // *Русский Архив*. 1913. № 1. С. 8–86.

Труды, 1903 – Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 4. СПб, 1903. 491 с.

ЦГАМ – Центральный государственный архив Москвы.

Шарова, 2010 – *Шарова А.В.* Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 18. С. 270–287.

APW – Archiwum Państwowe w Warszawie.

Fominykh, Stepnov, 2018 – *Fominykh S.F., Stepnov A.O.* M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. pp. 804–816.

Gribovskiy, Sorokin, 2014 – *Gribovskiy M.V., Sorokin A.N.* University teaching community of Russia late XIX – early XX centuries: forms of manifestation of corporate identity / *International multidisciplinary conference on social sciences & arts conference SGEM-2014. Anthropology, archeology, history, philosophy. Conference proceedings*. 1–10 September 2014. Albena, Bulgaria. P. 291–296.

Maurer, 1998 – *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien, 1998. 959 p.

References

Alevras, Grishina, 2012 – *Alevras N.N., Grishina N.V.* (2012). Rossiiskii korpus magistrantov-istorikov: problemy konstruirovaniya korporativnoi institutsii i obraza magistranta (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Russian corps of historian undergraduates: the problems of designing a corporate institution and the image of a master student (second half of the 19th – early 20th century)]. *Historical science and education in Russia and in the West*. M., pp. 169–172. [in Russian]

Antoshchenko, 2002 – *Antoshchenko A.V.* (2002). Istoriya odnoi professorskoi otstavki [The history of one professorial resignation]. *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*. № 4, pp. 234–274. [in Russian]

APW – Archiwum Państwowe w Warszawie.

Avtobiograficheskie zapiski, 1945 – Avtobiograficheskie zapiski Ivana Mikhailovicha Sechenova [Autobiographical notes of Ivan Mikhailovich Sechenov]. M., 1945. 185 p. [in Russian].

Belyaeva, 2011 – *Belyaeva O.M.* (2011). Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimma. Konflikty v professorskoi srede [Academic community of St. Petersburg University in the rector ED. Grimm. Conflicts in the professorial environment]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 34, pp. 215–235. [in Russian]

Bushueva, 2011 – *Bushueva L.A.* (2011). Professorskaya korporatsiya Kazani v epokhu peremen: mezhlichnostnye kommunikatsii universitetskikh lyudei (nachalo XX veka) [Professor's Corporation of Kazan in the era of change: interpersonal communication of university people (early XX century)]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 36. pp. 248–266. [in Russian]

Dmitriev, 2013 – *Dmitriev A.N.* (2013). Statusy znaniya (o sotsial'nykh markerakh evolyutsii rossiiskogo universiteta pervoi treti XX veka) [Statuses of knowledge (on social markers of the evolution of the Russian university of the first third of the twentieth century)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 4 (122). [Electronic resource]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/16d.html (accessed 17 June 2018). [in Russian]

Doklad komissii, 1897 – Doklad komissii, izbrannoi Sovetom Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, dlya obsuzhdeniya voprosa o sisteme voznagrazhdeniya prepodavatelei universiteta, osnovannoi na vzimanii so studentov i slushatelei osoboi platy za slushanie lektsii i rukovodstvo ikh zanyatiyami [Report of the commission elected by the Council of the Imperial Kharkov University to discuss the issue of the university's remuneration system based on charging students and students a special fee for listening to lectures and directing their studies]. Kharkov, [1897]. 31 p. [in Russian]

Ermichev, 2003 – *Ermichev A.A.* (2003). O tom, kak possorilis' dva uchenykh muzha. Ocherk istorii nravov universitetskoi professury v Rossii nachala XX v. [About how two learned men quarreled. Essay on the history of the morals of university professors in Russia at the beginning of the 20th century]. *Voprosy filosofii*. № 5, pp. 124–134. [in Russian]

Fominykh, Stepnov, 2018 – *Fominykh S.F., Stepnov A.O.* (2018). M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye Gody*. Vol. 48. Is. 2. pp. 804–816. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoi oblasti [State archive of the Odessa region].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State archive of the Russian Federation].

Gribovskii, 2018 – *Gribovskii M.V.* (2018). Professorskii gonorar kak zerkalo universitetskogo voprosa kontsa XIX – nachala XX veka [Professorial fee as a mirror of the university issue of the late XIX – early XX century]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 62, pp. 144–163. [in Russian]

Gribovskiy, Sorokin, 2014 – *Gribovskiy M.V., Sorokin A.N.* (2014). University teaching community of Russia late XIX – early XX centuries: forms of manifestation of corporate identity. *International multidisciplinary conference on social sciences & arts conference SGEM-2014. Anthropology, archeology, history, philosophy. Conference proceedings*. 1–10 September 2014. Albena, Bulgaria. pp. 291–296.

Inostrantsev, 1998 – *Inostrantsev A.A.* (1998). Vospominaniya (Avtobiografiya) [Memories (Autobiography)]. SPb. 272 p. [in Russian]

Karpyuk, 1993 – *Karpyuk S.G.* (1993). Delo o naznachenii ordinarnogo professora grecheskoi slovesnosti Moskovskogo universiteta [The appointment of an ordinary professor of Greek literature at Moscow University]. *Vestnik drevnei istorii*. № 1. pp. 175–181. [in Russian]

Korelin, 2014 – *Korelin M.S.* (2014). Dnevnik [Korelin M.S. A diary]. *Terra Europa: ntellektual'noe prostranstvo moskovskikh istorikov vtoroi poloviny XIX veka*. M. pp. 274–4481. [in Russian]

Krachkovskii, 1982 – *Krachkovskii I.Yu.* (1982). Vpervye opponentom na dissertatsii [For the first time as an opponent for the thesis]. *Leningradskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov*. Vol. 2. L., pp. 138–145. [in Russian]

Malinovskii, 2014 – *Malinovskii I.A.* (2014). Marusya i deti. Vospominaniya [Marusya and the children. Memories]. *Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov*. Tomsk, pp. 286–341. [in Russian]

Maurer, 1998 – *Maurer T.* (1998). Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien. 959 p. [in German]

Bogoslovskii, 2011 – Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii. Dnevniki. 1913–1919: Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky. The Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum]. M., 2011. 423 p. [in Russian]

Myagkov, Filimonov, 2010 – *Myagkov G.P., Filimonov V.A.* (2010). N.I. Kareev v 1899–1906 gody: «Dosugovyi diskurs» istorika [N.I. Kareyev in 1899–1906: "The leisure discourse" of the historian]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 152, book 3, part 1. The humanities, pp. 169–178. [in Russian]

NART – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan].

Nikiforov, 2014 – Nikiforov Yu.S. (2014). Kommunikativnaya kul'tura rossiiskikh istorikov kontsa XIX – nachala XX v. Vzaimodeistvie i konflikty v universitetskoi srede [Communicative culture of Russian historians of the late XIX – early XX century. Interaction and conflicts in the university environment]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. № 48, pp. 138–164. [in Russian]

Posokhov, 2012 – *Posokhov S.I.* (2012). «Schitayu dlya sebya neprilichnym...»: Eticheskie aspekty protsessa zashchity dissertatsii v universitetakh Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX vv. ["I consider it indecent for myself...": Ethical aspects of the defense of dissertations in the universities of the Russian Empire XIX – beginning of the 20th centuries]. *Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik*. Kharkiv, Is. 11, pp. 131–153. [in Russian]

Rostovtsev, 2012 – *Rostovtsev E.A.* (2012). Kazus professora fon Lista (epizod iz universitetskoi istorii perioda Pervoi mirovoi voiny) [The case of Professor von List (an episode from the university history of the period of the First World War)]. Uroki istorii – *uroki istorika. Sbornik statei k 80-letiyu Yu.D. Margolisa (1930–1996)*. SPb, pp. 308–315. [in Russian]

Russkie vedomosti – Russkie vedomosti. [in Russian]

Sazonova, 2009 – *Sazonova L.A.* (2009). Korporativnye otnosheniya professorov Kazanskogo universiteta. Vtoraya polovina XIX veka [Corporate relations of professors of Kazan University. The second half of the XIX century]. *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoi Kazani. Sbornik statei*. Kazan, Is. 2, pp. 169–175. [in Russian]

Sharova, 2010 – *Sharova A.V.* (2010). Universitetskoe soobshchestvo i vlast' v nachale KhKh veka (po materialam dnevnikovykh zapisei A.N. Savina) [University community and power in the early twentieth century (based on the materials of the diary entries of AN Savin)]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. № 18, pp. 270–287. [in Russian]

Stranitsa iz zhizni, 1913 – Stranitsa iz zhizni Moskovskogo universiteta: Iz zapisok professora N.P. Bogolepova [A page from the life of Moscow University: From the notes of Professor N.P. Bogolepov]. *Russkii Arkhiv*. 1913. № 1, pp. 8–86. [in Russian]

Sveshnikov, 2005 – *Sveshnikov A.V.* (2005). «Vot Vam istoriya nashei istorii». K probleme tipologii nauchnykh skandalov vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. ["Here is the history of our history". To the problem of typology of scientific scandals of the second half of the XIX – early XX century]. *Mir istorika*. Omsk, Is. 1, pp. 256–260. [in Russian]

Trudy, 1903 – Trudy Vysochaishe utverzhdennoi komissii po preobrazovaniyu vysshikh uchebnykh zavedenii [Proceedings of the highest approved commission for the transformation of higher education institutions]. Is. 4. SPb, 1903. 491 p. [in Russian]

TsGAM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [Central State Archives of the City of Moscow].

Veresaev – Vikentii Vikent'evich Veresaev. Vospominaniya [Vikenti Vikentievich Veresaev. Memories]. Biblioteka russkoi literatury. [Electronic resource]. URL: http://brusl.ru/index.php?dn=article&to=art&id=1635&p=1 (accessed 3 June 2018). [in Russian]

Vishlenkova, 2008 – *Vishlenkova E.A.* (2008). Pamyat' o konfliktakh: osobennosti arkhiva Kazanskogo imperatorskogo universiteta [Memory of Conflicts: Features of the Archives of the Kazan Imperial University]. *Ekho vekov*. № 2, pp. 248–257 [in Russian]

Нормы корпоративной этики в российской университетской среде конца XIX – начала XX вв.

Михаил Викторович Грибовский [a, *], Александр Николаевич Сорокин [a, b]

[a] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
[b] Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению норм корпоративной этики, сложившихся в российской университетской среде конца XIX – начала XX вв. Исследование, выполненное методом ситуационного анализа (метод кейсов), базируется на материалах, которые были извлечены авторами

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: mgrib@mail2000.ru (М.В. Грибовский),
soranhist@yandex.ru (А.Н. Сорокин)

из российских (Государственный архив Российской Федерации, Национальный архив Республики Татарстан, Центральный государственный архив Москвы) и зарубежных (Государственный архив в Варшаве, Государственный архив Одесской области) архивов. Подчеркивается, что университетские преподаватели дореволюционной России представляли собой довольно сплоченное профессиональное сообщество, и формы проявления профессиональной идентичности заключались в их активном участии в обсуждении «университетского вопроса», попытках самоорганизации, а также наличии схожих этических принципов, на которых базировалась система ценностей университетского человека; органической частью этой системы ценностей была и выработка Университетом норм корпоративной этики, следование им. Выделяются следующие нормы поведения, сложившиеся в российской университетской преподавательской среде рубежа XIX–XX вв.: проявление благородства в отношении коллег, соблюдение субординации, демонстрация взаимного уважения, научная объективность, стремление к научной истине, преобладание интересов университета над личными. Делается вывод о том, что наличие схожих представлений о корпоративной и научной этике, о писаных и неписаных нормах несения службы в университете облегчало вливание профессора в состав новой преподавательской коллегии при смене университета, а соблюдение этических норм помогало корректно разрешать щекотливые вопросы, возникавшие на службе.

Ключевые слова: университет, профессора, приват-доценты, корпоративная этика, научная этика, нормы поведения, корпорация, Российская империя.